

УДК 821.161.1.09-34

**«ДРЕВНЕЕ» СКАЗАНИЕ И. А. ИЛЬИНА «ПРАВЕДНЫЙ НАРОД»
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ**

О. С. Тульская

Московский государственный областной университет
кафедра русской литературы XX века

В статье анализируется один из немногих опытов русского философа И. А. Ильина в создании литературной сказки-притчи, которая иносказательно посвящена судьбе русского народа. Рассматривается специфическое ильинское понимание юмора, а также стилистические и идейные особенности сказания.

Ключевые слова: фольклорное сказание, сарказм, праведность, судьба русского народа, контраст.

Несмотря на необычную для автора форму и малый объем, эта работа И. А. Ильина органично входит в круг его многочисленных статей и книг, пронизанных глубочайшими и ныне актуальнейшими размышлениями о судьбе России, ее культуры. Философ создал это стилизованное, полупуштивное и полутрагическое сказание в 1937 году, находясь в Германии, где уже пришли к власти национал-социалисты.

В певучих, почти былинных строчках произведения, в его поэтичном музыкальном строе Ильин, изгнанный с горячо любимой Родины и унесший ее с собой в *поющем* и страдающем сердце, выразил свою боль и свою надежду. Мысли о национальном укладе своей страны вылились в форму фольклорного сказания не случайно. Вспомним, что Иван Александрович немало размышлял о драгоценной сути и литературном богатстве русских сказок, посвятил им две емкие и глубокие статьи «Духовный смысл сказки» и «Русская душа в своих сказках и легендах». Писатель как бы соединяет в своем сказании собственный голос с «тихим, древним, мудрым голосом» [1, кн. 2, с. 259] сказителя старинных легенд и пытается, подобно предшественникам, «распутать и развязать узлы... национального характера» [1, кн. 2, с. 272].

С первых же строк сказания задается шутивно-эпический тон, за которым скрывается безусловно серьезное содержание: «Давно, давно ... жил в Азии славянский народ по имени прямичи. Был тот народ добродушный и трудолюбивый, даровитый и приветливый. Жил он на зеленых гималайских предгорьях, и страна его, словно сама собою, цвела и плодоносила... И вся жизнь его была легкая и светлая» [1, кн. 2, с. 282]. Обозначение географического нахождения народа заведомо уводит в сторону от истинного местонахождения «прямичей».

Такое несколько идеализированное изображение повествует не о той легкости, которая позволяет бездумно плыть по течению в поиске удовольствий, а о той, которую приносит отсутствие угрызений совести. Суть русского характера видится автору именно такой сквозь призму доброго и всё

же язвительного юмора: «Не можем мы терпеть, – говорят о себе прямичи. <...> Нет нам ни радости, ни веселья, если за этими лесами и озерами мулукурумбы курумлумбам свое далайламское изуверие кровью навязывают...» [1, кн. 2, с. 284].

Характеристики соседей праведного народа выполнены с подключением саркастических нот: «Один пустозвон с хвастливым гонором. Другой – нахрапистый, с гордым умом и жестоким сердцем. А там сидел еще один, хитрый и каверзный. А по другую сторону – торгаш криводушный. Были еще и такие, что только самих себя за людей считали, а прочих презирали и всех в свое далайламское изуверие силой обратить собирались. И все друг с другом ссорились и затяжные войны вели. Бывали войны семилетние, тридцатилетние и даже столетние...» [1, кн. 2, с. 283–284]. Эти строки напоминают об уничтожающих характеристиках идейных противников, которые в изобилии присутствуют в письмах Ильина, о категорических умозаключениях его статей. Такова одна из особенностей его стиля. Те, кто слушал его лекции, отмечали: «Тут не всё приятно, не всё даже красиво в общем смысле слова, но всё сильно и резко... Точно резец... как-то чертит на вашей душе и в ней что-то вырезает, как гравер режет на дереве. Ильин оратор – резчик, то есть настоящий художник живого, врезывающегося в душу слова» [3].

Далее в сказании-притче о народе прямичей, справедливом, сильном и мужественном, появляются драматические узлы: хотя соседи боятся нападать на праведный народ, прямичам приходится много воевать – ведь они не могут терпеть несправедливости и не помочь обиженному. В войнах, хотя и, как правило, победоносных, истощаются силы народа, лучшие люди гибнут. «И не было им никогда ни благодарности, ни слова доброго... Напротив, все народы отвечали им завистью и страхом, враждой и предательством» [1, кн. 2, с. 285]. Ильин кратко включает в сказание видоизмененные слова Ф. И. Тютчева, характеризовавшего в статьях и письмах отношение европейцев к России.

В сказании Ильина трагически погибает «праведный народ» в последнем бою с неведомым «тупорылым племенем». Но история на этом не заканчивается. Эпilog предания ставит царя прямичей Буйтура Справедливого перед лицом Всевышнего. На последнем суде Творец вопрошает государя: «Как мог ты погубить народ Мой праведный? Кто дозволил тебе растратить силы его на борьбу с чужой злобой? Кто поставил тебя судить и исправлять другие народы? Кто научил тебя попираť свободу, от века Мною дарованную всем народам?» [1, кн. 2, с. 287] Исчезает шуточный тон повествования, интонация становится крайне серьезной. В словах Господа с присущей Ильину афористичностью сформулированы главные, на его взгляд, причины разрушения национального уклада в огне революции.

Забываясь о справедливости вокруг, прямичи забыли о своей собственной душе, что и привело в конечном итоге народ к гибели. Считая себя правыми, прямичи наделали много зла, помогая зачастую обманщику и злодею, лукаво просящему помощи. И все же нет места в ильинской сказке безнадежности. Твердую уверенность в возрождении, почти пророчество слышит читатель в приговоре Вечного Судии: «Не дам погибнуть до конца любимому народу Моему. Пройдут века, и возродится от его семени на равнинах запада иной народ, и создам великое царство иного имени. Он одолеет в себе искушение

непризнанного судьи и соблазн навязанной праведности. И когда одолеет, тогда воссоздаст Мне вертоград Мой духовный» [1, кн. 2, с. 287].

Хотя сказание «Праведный народ» может быть понято как общая модель опасности для любого человека или народа, забывшего о смирении в поисках справедливости, в первую очередь оно относится к судьбе русского народа. Об этом говорят многие детали повествования: приводятся, хотя и без имени автора, знаменитые слова Наполеона о том, что «такого воина и убить мало, а еще и повалить надо» [1, кн. 2, с. 283]; главный военачальник прямичей по имени Сувор «к северу через Гималайский хребет переваливал, на самой страшной вершине во льду ночевал и каменный столб поставил Богу во славу, народам на устыжение» [1, кн. 2, с. 285]. В последнем отрывке можно отчетливо увидеть, как своеобразный комический эффект создается Ильиным на страницах предания за счет соединения реальных исторических событий и сказочных элементов, ведь названные Гималаи ничего общего ни с Альпами, через которые переходил Суворов, ни с реальными Гималаями не имеют.

Здесь нельзя не вспомнить об особом, ильинском, понимании юмора. Один из очерков, включенных писателем в книгу духовно-философской прозы «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий», так и назван – «Юмор». Открывая, что «самый глубокий слой комического – затаенная боль» [1, кн. 3, с. 179], мыслитель не только продолжает давнюю традицию русской литературы, связанную с гоголевским смехом сквозь слезы, но и дает ей философское объяснение: «подлинное искусство юмора в том, чтобы заставить себя улыбаться в своих страданиях... Юмор возникает из меланхолии духа, который преобразует свою боль в улыбку и тем самым преодолевает ее» [1, кн. 3, с. 180]. Применительно ко всем сказкам И. А. Ильина (в это же время он создал сатирический цикл «Невинные сказки») можно сказать, что создание их облегчало боль душевных ран, связанных с кровавыми событиями революции самому автору, одним из заветных желаний которого было и другим людям помочь, дать утешение и подвигнуть к деятельному осмыслению нашей истории.

В книге «Я вглядываюсь в жизнь» Ильин лишь слегка касается проблем литературы, но у него есть и такие работы, которые внесли серьезный вклад в развитие ее теории. Особенно философа волновал вопрос о критериях художественности, ряд статей на эту тему он в 1937 году объединил в книгу «Основы художества. О совершенном в искусстве». Сказочные повествования Ильина могут служить живой иллюстрацией его теоретических взглядов. Мы встречаем здесь и так высоко ценимые им непритязательность и лаконичность, и стремление к «экономии читательского внимания», а самое главное – через выношенные, выстраданные образы светит «душа произведения» – «духовное слово о духовных обстоятельствах» [1, кн. 2, с. 284]. История облечена в скромные одежды любимых писателем народных сказок. Отсюда и язык («невтерпеж», «времени не теряючи», «правду-истину ни разглядеть, ни рассудить бывало невозможно» [1, кн. 2, с. 284]), и напевность интонаций, былинное построение многих фраз. Переплетение фольклорных нитей серьезно-эпического повествования с неожиданно повторяющимися шутивными элементами создает особую трагикомическую атмосферу предания.

Мы не знаем, осознанно или нет, но Ильин во многом противопоставил «Древнее сказание "Праведный народ"» тем произведениям русской литературы, которые советское литературоведение традиционно именовало «революционно-демократической сатирой». Так, нельзя не заметить, что вся легенда строится как развернутая антитеза к книге М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Достаточно для начала сравнить исходные характеристики народа «головотяпов» и народа «прямичей», чьи судьбы находятся в центре повествования в произведениях Щедрина и Ильина: «Был ...в древности народ, головотяпами именуемый, и жил и он далеко на севере... Имели (они) привычку "тяпать" головами обо все, что бы ни встретилось на пути... По соседству... жило множество независимых племен, а именно: лукоеды, гущееды, лапотники, кособрюхие» [2, с. 27] и т.д. Далее в «Истории одного города» рассказывается о том, что все эти племена постоянно друг другу «лгали», «враждовали», «взаимно разоряли свои земли» [2, с. 27], а в конце концов объединились в один народ под многозначительным именем глуповцы.

У Ильина история повернута к читателю прямо противоположной стороной: «Давным-давно... жил в Азии славянский народ по имени прямичи. Был тот народ добродушный и трудолюбивый, даровитый и приветливый... Жили прямичи друг с другом в мире и любви: ни злобы на душе, ни обиды; и все были со всеми уветливы и помогливы» [1, кн. 2, с. 282].

Оба автора формулируют уже в первых строках произведений свое отношение к характерным чертам и происхождению именно русского народа, а не каких-нибудь абстрактных племен. Ясно, что в обоих случаях присутствует преувеличение крайних проявлений национального характера, но встает вопрос: насколько то, что выхватывает прожектор писательского внимания, соответствует основным чертам народа, его истинному лицу?

По Щедрина, безобразные «головотяпы-глуповцы» только и заслуживают своих уродливых правителей, и лицо живой России в результате подменяется отвратительной маской. По Ильину, то доброе и светлое, что присуще русскому характеру, может быть омрачено и даже стать причиной гибели, если увлеченный своей праведностью народ забудет о смирении и бросится исправлять другие народы, надеясь только на собственную могучесть и забывая о согласовании своих действий с высшей правдой.

Далее в текстах двух произведений параллели и противопоставления прослеживаются буквально во всем.

– Книга Щедрина довольно пространная; в повествовании Ильина судьба «праведного народа» концентрируется всего лишь на шести страницах текста.

– Финал «Истории одного города» безотраден и таинствен, это нечто страшное и загадочное; в ильинском сказании также есть тайна: не совсем понятно, как именно возродится народ и даже его верховный правитель, но однозначно убеждение, что возрождение это произойдет.

– В корне отличается отношение писателей к взаимодействию народа и власти: у Щедрина глуповцы сами виноваты в том, что терпят таких злобных и бездарных правителей; у Ильина определенно говорится, что «народ чтит власть властей своих как святыню» [1, кн. 2, с. 282], «совещался молодой царь

прямыми Буйтур со своими старейшинами, а народ со своим царем советовался...» [1, кн. 2, с. 284].

– «История одного города» – однозначно сатирический роман, в изображении персонажей и событий которого преобладает гротеск. Сказание «Праведный народ» проникнуто горьким, своеобразным ильинским юмором, переплетенным с былинными и лирическими интонациями.

– Духовность народа в щедринской книге показана резко негативно, многочисленные цитаты из церковной службы, Священного Писания, связанные с этим персонажи выглядят чисто пародийно и уничижительно. В произведении Ильина краткие упоминания о Всевышнем окрашены в теплые тона: прямичи действительно «Богу своему верили в сердечной крепости и молились ему из душевной полноты» [1, кн. 2, с. 282], и только то, что они в важный момент решили действовать, не согласовавшись с Божьей волей, а всецело положились на свои силы и свое понимание справедливости, погубило «праведный народ».

Контраст авторских идейных акцентов, разница в отношении к судьбе России особенно ясно проступает на фоне общности некоторых художественных приемов обоих писателей: они оба умеют быть резкими и беспощадными в своем гротеске и сарказме. Но это оружие в руках Щедрина становится разрушительным, а у Ильина – ножом в руках хирурга, притом взятым при крайней необходимости.

Цель И. А. Ильина – созидание, возрождение того лучшего, что сбереглось в тайниках души русского народа. Несмотря на сказочную стилизацию, на эпически-горький юмор «Древнего сказания “Праведный народ”», оно сродни лекциям, статьям и философским книгам этого автора: всё в них подчинено осознанию трагической судьбы России в XX веке, переживанию ее боли, поиску выхода из исторического тупика.

Список литературы

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / И. А. Ильин ; сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1993-1999. – Т. 6. – Кн. 2 : О России; Русские писатели. Литература. Театр. Музыка. – 1996. – 672 с. – Кн. 3 : О России и русской душе. Гении России. – 1997. – 560 с.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. Сатирические рассказы и сказки [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Московский рабочий, 1987. – 512 с.
3. Струве, П. О брошюре И. А. Ильина и о нем самом. Дневник политика [Текст] / П. Струве // Возрождение. – 1926. – № 478. – 23 сентября. – С. 1.

**A. ILYIN'S "ANCIENT" LEGEND «JUST PEOPLE» IN A HISTORICAL
AND CULTURAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT**

O. S. Tulskaia

Moscow State Regional University

The department of the Russian literature of the 20th century

In article one of few experiences of Russian philosopher I.A.Ilyin in creation of the literary fairy tale parable which is allegorically devoted to destiny of Russian people is analyzed. The specific ilyinsky understanding of humour, and also stylistic and ideological features of the legend is considered.

Key words: *folklore legend, sarcasm, righteousness, destiny of Russian people, contrast.*

Об авторах:

ТУЛЬСКАЯ Ольга Сергеевна – соискатель кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета (105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а), e-mail: godl87@mail.ru